

63.3(2)622
Ф33

Л.Л. Федоров

«Записки пулеметчика и юриста»

*Солдатам и лейтенантам пехоты
посвящается*

СА-367745

Глава 4. Краснохолмское военно-пехотное училище.

Война, которая продолжалась уже более полугода, требовала все больше бойцов и командиров и особенно пехоты.

А потому, несмотря на мою близорукость в 20-ых числах февраля 1942-го года я был вызван в военкомат с вещами и в команде своих сверстников, в том числе одноклассников Дмитрия Демшина, Анания Спивака, Юрия Курамшина, Михаила Соснина и других был направлен в Краснохолмское военно-пехотное училище. Кстати, война проложила заметный рубеж между многими нашими одноклассниками по причине принадлежности их родителей к воюющим против нас нациям.

Вместе со старшим братом учился немец Адам Росс - хороший спортсмен, физически очень развитый парень. В самом же начале войны он исчез из Уфы. Со мной же многие годы учился Михаил Погач - отец которого был венгром (мадьяром) и попал в плен еще в Первую мировую войну. Он остался в России после ее окончания. Как я уже узнал после войны, оба они и им подобные не подлежали призыву в армию, а были направлены в тыл на принудительные работы, в трудовые армии. Адам Росс после войны в Уфу так и не вернулся, его судьба нам не известна.

Мы же, подошедшие по анкетным данным, в количестве 25-30 человек были погружены в теплушки и отправлены в училище. Наш эшелон с большими задержками шел на запад до станции Кинель под городом Куйбышевым. Со станции же Кинель он пошел обратно на восток с такими же задержками и многодневными стоянками.

Училище находилось недалеко от города Чкалова (ныне и ранее Оренбург). Выгрузившись из эшелона где-то не доезжая 70-80 километров до Чкалова, мы в начале марта, но при очень морозной и ветреной погоде шли дня 2-3

пешком на юг, до села Краснохолм, помню ночевали в татарской деревне.

Большое казачье село Краснохолм находилось в степи недалеко от реки Урала, в 70-75 километрах от города Чкалова и на таком же расстоянии от железной дороги.

Не знаю, кто и почему решил поместить там в войну военно-пехотное училище, поскольку никакой военной базы для этого училища там вообще не было. Не было, прежде всего, никаких подходящих помещений, а нас, курсантов, которых даже не было во что переодеть, собрано было не менее пяти тысяч человек, то есть несколько батальонов. Нашей команде уфимцев еще повезло: нас разместили в классе одноэтажной деревянной школы, где были сколочены двухэтажные нары. Спали мы на втором ярусе этих нар прямо на досках, постелив свою же одежду.

В других же классах этой школы люди очень скученно спали просто на полу. Нормальной столовой в училище тоже не было, а был небольшой домик, где весь день готовился обед и мы раз в сутки, отстояв в очереди, заходили в этот дом, и наспех съедали свою порцию, подгоняемые сзади стоящими в очереди.

Между тем, несмотря на морозы и сильные ветры, почти целые дни мы были на улице на занятиях. Несколько дней подряд мы строем ходили за семь-восемь километров на реку Урал, где рубили деревья и на себе носили их к селу, к кухне в качестве топлива, которое мы должны были заготавливать на все лето.

Глава 5. Я пулеметчиком не родился, но был вынужден им стать.

После прибытия в училище у нас был очень ограниченный выбор - стать командиром стрелкового или пулеметного взвода и соответственно попасть в стрелковый или пулеметный батальон этого пехотного училища. Был еще один вариант (как жизнь и опыт показали, более безопасный на фронте) - стать командиром минометного взвода и соответственно быть зачисленным в минометный батальон нашего же училища.

Для нас же, уфимцев, моих сверстников, выбора вообще не было: мы все хорошо помнили кадры кинофильма "Чапаев", о "работе" пулеметчицы Анки во время психической атаки каппелевцев, кадры других фильмов, эпизоды книг о гражданской войне, а потому все решили стать только пулеметчиками.

Но попав в пулеметную роту, мы долго не видели своего оружия - пулемета, его просто не было в роте, да и очевидно, вообще в училище. Не было не только пулемета, но и обычных винтовок - трехлинеек образца 1891 года системы Мосина.

И чтобы на строевой подготовке мы хотя бы имели о ней представление, ротный однажды приказал: "Сделать каждому из доски макет винтовки!". "А где же взять доски?". "Достать!" - был строгий приказ. И поскольку в большом степном селе "достать" доску было просто негде, каждый изобрел, как мог, в основном выломав доски из заборов станичников.

Я же, как помнится, поздно вечером оторвал доску от ограждения балкона одного из ближайших домов. Если бы хозяева-станичники кого-то из нас захватили за этим занятием, нам бы крепко не поздоровилось.

Но поскольку мужчины были на фронте, в селе остава-

лись в основном женщины, старики и мальчишки, наша "операция" удалась, и приказ командира был выполнен всеми, без исключения.

С этими "винтовками" нас учили ружейным приемам: "К ноге!", "На плечо!", а особенно штыковому бою: "Длинным - коли!", "Коротким - коли!", "Сверху прикладом бей!" и т.п.

Время шло, шли занятия на морозе и ветру, обмундирования и бани мы не видели уже более месяца, а потому зашивели настолько, что спасения от вшей просто не было.

И вот командование дает нам другой приказ: "Пойти по домам села, просить у хозяек уюти, прожарить всю нашу одежду от верхней до белья, до носок!". Треск и запах в казарме стоял страшный целый день, но вшей наших мы в основном уничтожили. Однако, последствия этой вшивости сказались уже сразу, многие мои соседи по нарам попали в больницу с сыпным тифом.

Сегодня попадал сосед слева, завтра сосед справа. И я был уверен, что чаша сия не минует и меня. Многие из заболевших умерли и были похоронены на местном сельском кладбище. Уфимец Михаил Соснин, помню, вышел из больницы, но служить уже не мог и был комиссован по болезни, как и некоторые другие, выздоровевшие, но со следами этого заболевания военных лет, поражавшего тело и ум человека.

Очевидно, в связи с этими событиями и смертью многих курсантов, командование Южно-Уральского военного округа, в который входило наше училище, или московское начальство обратило на нас большее внимание. Как нам говорили, был заменен начальник училища, нас в конце концов переодели в военное обмундирование, в ротах наладилось питание, появилось настоящее, а не самодельное оружие, не его деревянные макеты.

Появился в нашей роте сначала лишь единственный пу-

лемет "Максим". И поскольку наши командиры были при-
рожденными пулеметчиками, вместе с пулеметом появилась
и песня пулеметчиков:

"Я пулеметчиком родился,
В системе "Максима" возрос".

И особенно хорошо запомнился ее припев:

"Кожух, короб, рама,
шатун с мотылем,
возвратная пружина,
приемник с ползуном!".

Как я узнал уже после войны, эта песня российских пу-
леметчиков родилась еще в годы Первой мировой войны.
Кстати, ее слова приводит маршал Советского Союза
Р. Я. Малиновский в своей книге "Солдаты России", в кото-
рой он описывает солдат русского экспедиционного корпу-
са, воевавшего в Первую мировую войну во Франции. Сле-
дует сказать, что среди солдат России всех прошлых войн
пулеметчики пользовались особым уважением.

В 1972 году, когда я был в служебной командировке
в Лондоне, на берегу Темзы в центре города я увидел боль-
шой памятник пулеметчикам британской армии. Пулемет-
чики русской армии, думается, заслужили такого же памят-
ника.

В строю мы пели не только песню: "Я пулеметчиком ро-
дился..."; а и другие строевые песни уже советского време-
ни:

"Город спит привычкой барской,
А горнист трубит, трубит подъем.
Клич несется пролетарский
Над казармой боевой".

Или:

"Непобедимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед.
Тебе любимая, родная армия

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66